

Лука Каримова

16+

КОРОЛЕВСКАЯ ИГЛА

Валентор

Лука Каримова
Королевская игла

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Каримова Л.

Королевская игла / Л. Каримова — «ЛитРес: Самиздат»,
2019 — (Валентор)

ISBN 978-5-532-05851-4

Нелегко быть одной из шести принцесс в королевстве, где женщинам не позволено постигать науки, быть наравне с мужчинами, а магически одаренные дети - плевков в сторону общества! Тем более если такие родились у короля. Оталия не выбирала уготованной ей участи и решила изменить судьбу, если бы не помешал чародей. Похититель принес ее в свой замок, но что если золотая клетка сменилась вовсе не заключением, а желанной свободой? Какие планы у циничного чародея насчет пленницы и не зря ли он выбрал именно ее...

ISBN 978-5-532-05851-4

© Каримова Л., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Глава 1

Эта история произошла давным-давно¹, когда королевство Валентор было совсем маленьким, задолго до того, как король-оборотень занял трон.

В те времена люди уважали силу природы, но боялись магии. Правил король Альрик, и было у него шесть дочерей от трех разных королей.

Женщинам в Валенторе не только не позволяли постигать науки, но и считали, что единственное, для чего они предназначены – услаждать мужской взор и дарить миру новую жизнь. Неугодных же, вздумавших перечить, ссылали в монастырь к морю, в тогда еще небольшую деревеньку Перлия.

Дочери короля вели смиренный образ жизни, ни в чем не перечили отцу. Им полагалось уметь читать, писать, рукодельничать, знать этикет, танцевать и ждать, когда их выдадут замуж за того, на кого укажет отец.

Но среди сестер нашлась смутьянка. Знали королевские ученые, какой любознательной была принцесса Оталия – средняя дочь короля, как стремилась она к знаниям, не желая прозябать в безграмотности и неведении. В ту пору ей минуло восемнадцать, и ее ждал брак с принцем из небольшого королевства за горами. Отец давно все решил, и до отъезда дочери оставалось несколько дней.

Принцесса знала, что в замке мужа ее привольной жизни наступит конец. Больше не будет ночных бдений в библиотеке, тайных занятий в преподавательской башне, куда она стала наведываться с семи лет. Преподаватели боялись, что если король прознает об увлечениях дочери, не сносить им головы, но Оталия щедро платила им за молчание, отдавая почти все свои драгоценности ради знаний.

В отличие от сестер, особенно старших, блеск камней, золота и серебра был ей чужд. Дорогие ткани для платьев также не вызывали восторга. Оталия не нуждалась каждый месяц в новых нарядах и предпочитала избегать внимания молодых людей.

Каждая из сестер делила комнату с другой, и в соседках у Оты была Одетт. Обе они были дочерьми второй жены короля, но женщина умерла при родах, и сейчас трон занимала третья супруга, мать Лины и Эсти, самых младших детей Его Величества десяти и одиннадцати лет. Королева была заботлива и добра к дочерям от предыдущего брака, но подарить мужу сына также не смогла. Первая супруга короля умерла от болезни, оставив после себя самых старших дочерей: черноволосую Алиду и сероглазую Алану. Алида отличалась несколько склочным характером и придиричивостью в выборе жениха. Алана была менее неприятна, но меркантильна, и знала обо всех слухах, которые ходили при дворе. Вечерами, сидя у камина, Алана делилась некоторыми из них с сестрами. Алида пропускала ее слова мимо ушей, а скромница Одетт отсылала младших, чтобы те не наслушались непотребных для детских ушей историй. Сама она с жадностью внимала, чем же закончилась очередная любовная драма между придворными. Одетт питала слабость к романтике и мечтала не то чтобы о принце на белом коне, а просто о том, что кто-нибудь захватит ее сердце в плен страстей. Но отец также позаботился и о ее судьбе, выбрав одного из своих лордов. То был мужчина в возрасте, благородный, умный и начитанный, с прекрасными земельными участками, приносящими ему высокий доход. Не скупясь, он вкладывал деньги в армию Его Величества.

По мнению дочерей, отец был расчетливым человеком, считавшим их пешками в его большой игре. Он хотел выдать замуж и двух старших, но Алида оказалась еще той скандалисткой, Алана – жуткой сплетницей, и ни один мудрый мужчина, даже доплати ему король, не желал брать их в жены. Лина и Эсти были еще слишком малы, а вот Оталию он, по своему

¹ Примерно за 165 лет до событий книги «Вдова для лорда». Цикл: Валентор.

мнению, пристроил весьма удачно. Альрик не ведал, что дочь, как никто другой, против этого брака. Как, впрочем, и всего, что касалось участи других женщин Валентора.

Оталия мечтала о свободе, а не смене одной золотой клетки на другую. И у нее уже был план побега, осталось... дожидаться ночи перед приездом жениха и покинуть стены ненавистного дворца. Принцесса задыхалась в собственном доме и с печалью понимала, что лишь она одна это испытывает. Младшие все дни напролет играли, учиться им совсем не хотелось. Старшая мечтала о выгодном браке и, быть может, о чем-то еще, вторая развлекалась сплетнями и интригами, а Одетт, любимая сестра Оталии... хотела выйти замуж по любви. Но боялась идти против отца. Она не была такой смелой, как Ота, но отличалась всеми присущими для будущей королевы качествами. Разве что... не было в ней ни зависти, ни жестокости, ни жажды власти, как у Алиды. Одетт не могла за себя постоять, и Оталия взяла над ней шефство. Только любимая сестра знала, где по ночам пропадает Ота, и хранила это в секрете, прикрывая её и прося взамен, чтобы та приносила ей книги о любви. Отец считал их бесполезным чтивом и библиотеку держал под замком – только мужчинам разрешалось туда входить.

Но это была бы не Оталия, если бы не порадовала сестру новым произведением, не зачитала бы ей при свете луны стихотворения, не заставила бы воображение перенестись в сказочный мир благородных рыцарей, прекрасных дам, запертых в башнях и спасенных во имя любви.

Если у Оты заканчивались драгоценности для оплаты обучения, Одетт отдавала ей свои, обшивала старые наряды сестры, чтобы никто не заметил их изношенность, словом, помогала, чем могла.

Однажды жарким днем в конце лета сестры гуляли на лугу у журчащего ручья. Младшие играли в бадминтон, старшие лежали на покрывале, подставив лицо солнцу и наслаждаясь его теплом, Одетт вышивала, а Оталия читала книгу.

Вдруг вихрь пронесся над землей, небо потемнело. Девушки испуганно заозирались. Прогремел гром – младшие вскрикнули и, словно цыплята в желтых платьицах, сбежались к пышным юбкам Одетт.

Оталия нахмурилась, вглядываясь в почерневшие тучи. Вот-вот мог начаться дождь.

– Ах, что за погода? Только ведь было солнце! – вскричала Алида, хлопнув ладонью по покрывалу. – Только дождя нам и не хватало, – она выдернула край своей юбки из-под сидевшей Аланы, на что та обиженно надула губы. – Собирайтесь, возвращаемся! – скомандовала старшая.

Одетт собрала вещи в корзинку с рукоделием и помогла Оталии сложить покрывало. Эсти и Лина прижимали ракетки к груди и не отходили от старших сестер ни на шаг.

По пути к дому их настиг дождь; под мостом обычно спокойная река бурлила и плескалась.

Принцессы быстро перебежали мост и укрылись под раскидистым дубом. Отставшая от сестер Одетт с криком упала на колени – каблук туфельки застрял в щели между досок.

– Вот неуклюжая, – не удержалась от колкости Алида. – Алана, пойдی помоги этой неумехе.

– Вот еще! Я вся промокну, а на мне новое платье, сама иди! – Алана смахнула челку со лба и сложила руки на пышной груди.

– Подержи-ка, – Оталия вручила Эсти одеяло и побежала к сестре.

– Ота, мое рукоделие, – всплакнула Одетт. Собственный промокший вид ничуть ее не волновал.

– Потом высушим, давай помогу, – Ота наклонилась. Но каблук прочно застрял в щели и никак не хотел вытаскиваться. – Проклятье...

– Оталия! – зашипела Одетт. – Девушке нельзя так выражаться.

– А стоять с грязными мокрыми чулками можно? – с усмешкой парировала Ота, разглядывая до этого белые, а теперь с расплывшимися пятнами глины чулочки.

Одетт поджала пальчики и залилась румянцем.

Наконец-то злополучная туфелька выскользнула, и Ота помогла сестре обуться. Ветер бросил им в лица брызги дождя – и Одетт потеряла глаза. Но тут ее зрачки расширились, рот раскрылся в немом крике, и она выбросила руку вперед. Словно ураган пронесся вокруг замка, сорвав несколько флагов и унеся их вдаль, а на Оталию и Одетту налетел огромный ворон: от размаха его могучих крыльев кроны деревьев заколыхались.

Оталия с криком оттолкнула сестру и почувствовала, как на ее животе сомкнулись острые когти птицы. Мост стал отдаляться, стены замка расплываться, а крики сестер превратились в едва уловимый писк, заглушенный плотными темными облаками.

Ворон уносил ее все дальше и дальше, а куда, Оталия не знала. В сознании билась лишь одна мысль: она спасла сестру.

Стараясь не терять сознания и делая глубокие вдохи холодного воздуха, принцесса попыталась что-нибудь разглядеть. Безуспешно. Одни облака сменялись другими, и она не заметила, как потеряла сознание.

Что-то резко дернуло, и, вскрикнув, девушка очнулась. Она лежала на холодном каменном полу, а перед ней, укрытый черным плащом и тенью, стоял некто. За плечами незнакомца возвышалась башня. Мужчина толкнул массивную дверь и протянул Оталии руку. Подобрав подол платья и слегка пошатываясь, принцесса поднялась и осознала, что стоит на отвесной стене замка. Их окружал плотный туман, и Ота ничего не могла разглядеть.

– Кто вы? Почему вы меня похитили? – дрожащим от холода голосом спросила она, но вместо ответа ее втолкнули в башню и закрыли дверь. Девушка не услышала щелчка, но, потянув дверь за кольцо, поняла – заперли.

Сквозь стекла-мозаики по обеим сторонам башни проникал тусклый свет луны, вышедшей из-за облаков. Но его хватило, чтобы Оталия смогла разглядеть свою клетку. Серые каменные стены уходили вверх к черной дыре потолка. «Помещение больше, чем наша с Одетт комната, и такие же широкие подоконники». Под тяжелым алым балдахином стояла огромная кровать из темного дерева. Давно нечищенный ковер устилала осенняя листва, с мебели свисали белесые клочья паутины, а в углах лежали комки пыли. Канделябры с каплями воска пустовали без свечей, а камин давным-давно не разжигали, судя по количеству золы.

«Я мечтала сбежать – и вот я здесь», – Оталия тяжело вздохнула и тут же чихнула. Этот звук эхом разнесся по башне, исчезнув где-то под потолком.

– Хорошо, что нет мышей...

Ота всегда отличалась рассудительностью. На ее месте Алида бы закатила скандал, а Одетт от страха ударилась бы в панику.

Принцесса обошла помещение, обнаружив за кроватью узкую дверь в уборную. Привычную раковину заменяла чаша в стене, очень похожая на кропильницу² в старинном соборе, где венчали отца с мачехой. Из крана текла тонкая струйка, а с краю стояла серебряная пиала. Оталия отвинтила ручку в виде листика – и поток усилился. Она умылась прохладной водой и утолила жажду. Полотенца здесь не было, но на полках стояли мутные, скрытые паутиной пузырьки. Промокнув лицо нижней юбкой, принцесса продолжила изучать свою «тюрьму». О планах похитителя она ничего не знала и предпочитала не думать, чтобы не растревожить богатую фантазию.

² Чаша для разбрызгивания святой воды во время богослужения, разновидность церковной утвари. Установлена в стенах или колоннах католического собора.

В двухстворчатом шкафу девушка обнаружила пыльное постельное белье и старинную одежду, которую носили в такие давние времена, когда о водопроводе не было и речи. Ящики массивного стола оказались закрыты на ключ, но небольшой книжный стеллаж был не заперт и, к радости принцессы, полон книг, бумаги и письменных принадлежностей, среди которых она нашла несколько грифельных карандашей. Прижав находки к груди, Ота прошептала:

– Спасибо и на этом, будет чем заняться.

Спать ей не хотелось, вода утолила голод, а неизвестность будоражила любопытство. Перетащив несколько огромных подушек и длинное покрывало на один из подоконников, Ота принялась рисовать и продолжала до тех пор, пока у нее не заболели глаза, и она не уснула с зажатым в руке карандашом. Сквозняк смахнул лист, и тот плавно опустился на пол.

От стены отделилась тень, подхватив рисунок и разглядывая огромного угольно-черного ворона, несущего в когтях девушку. Ее руки были раскинуты в стороны, подобно крыльям, она не боялась... Тот, кто смотрел на рисунок, не видел печати страха на изображенном лице.

Свернувшись калачиком, принцесса крепко спала, ее рыжие волосы рассыпались по бархату подушки, едва касаясь пола. В лунном свете бледная кожа сияла. От дуновения сквозняка длинные ресницы дрогнули, но девушка не проснулась.

Тень взмахнула рукой, и на женское плечо лег край пледа, укрыв ее от холода.

Оталия очнулась на подоконнике и удивленно захлопала глазами. Кто-то заботливо укрыл ее пледом. Она вздрогнула от волнения и тут же успокоилась. «Раз меня не тронули, значит, нечего переживать», – стиснув покрывало, девушка решила перебраться в постель. Грифельный карандаш и бумагу она вернула на стол, но рисунка так и не нашла. Догадка закралась ей в голову, а губы тронула едва заметная улыбка. «Возможно, это очередная тайна, которую мне предстоит разгадать».

Она забралась на мягкий матрас и вдруг услышала странный гудящий звук. Выудив нечто из-под подушки, девушка усмехнулась – это оказалась лютя³.

– Кто же тебя сюда спрятал? – она провела пальцами по струнам, и те издали знакомую мелодию. Оталии сразу стало легче на душе. В полумраке струны блестели, словно лунный свет играл на них, а не ее пальцы.

Выводя мелодию, принцесса стала напевать. Вначале едва слышно, но с каждой минутой ее голос набирал силу и уже звучал на всю башню. Эхо отдавалось от потолка и стен, а Оталия все не останавливалась. Нет, она не пела о грусти и тоске. В ее песне звучали слова покоя и счастья, полные тепла и ласки.

Девушка не знала своего похитителя, но надеялась, что он не убьет ее.

Знала бы она, как сердце чародея, стоявшего за дверью башни, быстро забилося... Как он приник к шершавой поверхности и коснулся пальцами дверного замка. Голос принцессы напоминал пение сирены.

Он хотел поквитаться с королем, отобрав одну из его дочерей, а сейчас с замиранием и трепетом слушал, как та поет. Он даже не знал ее имени.

«Нет, ей не страшно. Она не испугалась ни меня, ни того, что я запер ее в башне», – ему захотелось узнать, в чем секрет принцессы. Почему она так спокойна и поет...

Дверь скрипнула, и он приоткрыл ее, образовав щель: девушка сидела на ложе, волосы рассыпались по плечам и простыне. Мертвенно-бледные пальцы скользили по вибрирующим струнам, глаза были закрыты. Чародей понял, что даже не знает, какого они цвета.

– Ты совсем не боишься ожидающей тебя участи? – спросил он.

Мелодия смолкла.

³ Лютя – струнный щипковый музыкальный инструмент с ладами на грифе и овальным корпусом.

Она подняла на него серебристо-серые глаза в обрамлении длинных ресниц. Черты ее лица заострились. Девушка отложила лютню и, поднявшись с кровати, подошла к нему.

Минуту она вглядывалась в его лицо: не уродлив, но и не прекрасен, как ее будущий жених с тонкими, несколько девичьими чертами лица и большими голубыми глазами. Взгляд незнакомца был пронзителен и далек от юношеской наивности, которую она встречала у других претендентов на её руку и сердце. Темные волосы коротко острижены. В его внешности не оказалось ничего для придания шарма: ни кудрей, ни даже бородки из редких волосков. Острый гладковыбритый подбородок, тонкие строгие губы. Правую скулу прочерчивал длинный шрам, а в мочке уха поблескивало крохотное серебряное колечко. Широкие плечи скрывал плащ.

– Вы полагаете, приготовленная отцом участь лучше, чем заточение здесь? – она развела руки в стороны. – Насколько мы далеко от королевского замка?

Незнакомец нахмурился:

– Достаточно далеко... вряд ли вы сможете осилить Маэльстрем⁴ в одиночку.

Он ожидал увидеть испуг, услышать плач, но принцесса вновь его удивила. Ее губы расплылись в улыбке, глаза засверкали.

– Я никогда не бывала на море, должно быть, там красиво... – она провела ладонями по складкам платья, сняла с них налипшую паутинку. – У вас не найдется инвентаря для уборки? Видимо, здесь давно никто не жил... – она потеряла нос и чихнула. – Прошу прощения.

Чародей не знал, что сказать. Принцесса просит у него метелку с тряпками, чтобы собственноручно убраться в этой давно забытой башне. Остальную часть своего замка он держал в чистоте, но для пленницы выбрал мрачное грязное место, далекое от привычных для девушки условий.

– Могу я узнать ваше имя? – как ни в чем не бывало продолжила она, словно ведя светскую беседу. И тут же поспешила добавить: – Вряд ли я с кем-нибудь смогу перекинуться парой фраз или передать письмо с донесением на вас.

– Корвус Скальд, – коротко ответил чародей и удалился, хлопнув дверью.

Немного помешкав, он щелкнул пальцами – и в башне появилось все необходимое для уборки. «Посмотрим, на что вы способны, принцесса Оталия».

Скальд ушел, но возникли добротная метла, совок, ведро и стопка тряпок.

«Как бы негодовал отец, узнав, чем я занимаюсь». Король всегда считал подобные занятия работой для черни⁵, но никак не для аристократов и уж тем более принцесс.

Оталия думала, что она – самое большое разочарование отца. С годами девушка осознала: бесполезно надеяться, что отец станет ею гордиться, поддерживать в тяге к знаниям. Ота делала все, чтобы не быть белоручкой и невеждой, как старшие сестры. Их же участь ничуть не огорчала – они были готовы выйти замуж за богатых и красивых, а если не привлекательных, то хотя бы не стесненных в средствах.

Оталия стала быстро орудовать метлой и совком. Никогда ей еще не приходилось столько чихать. Распахнув окна, чтобы не задохнуться от поднявшейся пыли, принцесса старалась не пропустить ни одного угла и поверхности, все громче ворча на хозяина замка. Затем настал черед вытряхивать постельное белье, покрывала и все, что было в шкафу. От уборки ломило поясницу, нежные руки болели. Кожа на них стала сухой, несколько ногтей сломалось, лицо покрылось слоем пыли, а глаза щипало, словно в них насыпали песка. Из зеркала глядела растрепанная девица, далекая от образа принцессы.

⁴ Море между королевствами Валентор и Некрополь.

⁵ Люди из непривилегированных классов, простолюдины.

Но чистая комната была ей лучшей наградой. Убрав инвентарь в шкаф, Оталия прошла в ванную. Сбросив пропитанный потом наряд, она отмыла пузырьки и, откупорив пробки, понюхала содержимое:

– Надеюсь, это не колдовские зелья, не хотелось бы облысеть... – но жидкости дивного розового цвета пенились и пахли розами. Привыкшая к всегда горячей ванной с лепестками цветов или экстрактами из жемчуга для очищения и нежности кожи, Оталия с не меньшим удовольствием вымылась прохладной водой без излишеств. Поток постепенно усиливался, и она без проблем привела в порядок волосы.

Обернувшись полотенцем, девушка вернулась в спальню. Из приоткрытого окна тянуло прохладным ветерком, а на подоконнике стояла большая корзина.

Оталия подбежала к ней и отдернула платок, прикрывавший содержимое.

Здесь обнаружили еду и питье, свежая ночная сорочка из дивного, приятного телу материала, теплые чулки из нежной шерсти, а также новое, но более простое, отличное от моды Валентора платье без корсета или узоров изумрудного цвета. Между кожаными шнурками на груди было вплетено воронье перо. Оталия покрутила его в руке и усмехнулась: «С пленниками так не обращаются». Переодевшись в сорочку и поправив завязки на груди, она вытащила из корзины носки. Под ними обнаружился пузырек с запиской: «Несколько капель зелья – и вся одежда и белье будут чистыми».

– Хм! Такого я еще не пробовала, – она подошла к грязному платью и вылила на него пару капель. Наряд обдало порывом ветерка – и потемневшая от пота и грязи ткань с заплатками обрела новый вид. Воздух наполнился ароматом мяты. Оталия проделала то же с постельным бельем, пологом кровати, занавесками и полотенцами.

«Если так и дальше будет продолжаться, то меня все устраивает», – решила она, забравшись под одеяло и с наслаждением вдыхая запах свежего постельного белья, словно его только что забрали с морозной улицы. С этими мыслями Оталия погрузилась в сон.

Наутро дверь в башню оказалась открыта.

Глава 2

Всю неделю Оталия чувствовала себя опьяненной свободой. Она забыла о стенах дома, строгих взглядах учителей этикета, шепотках придворных, колкостях старших сестер. Принцесса могла выходить из башни и любоваться видами с замковой стены. Дверь, ведущая вниз, была заперта, но Оталия не расстроилась. Ей хватало места, чтобы размять ноги. При всем желании она бы и не смогла покинуть башню. Стена слишком высока, а внизу разверзалась пропасть. Когда густой туман рассеивался, она могла полюбоваться не только захватывающей высотой, но и густым хвойным лесом, зелеными холмами и яркими закатами. «Интересно, далеко ли от замка море...» – думала Оталия, всматриваясь в клубящийся предзакатный туман.

Каждый день ее ждала корзинка с едой, и всегда на дне оказывался какой-нибудь приятный сюрприз: то щетка для волос, то заколка или лента, мочалка и новые пузырьки с мылом, флакончики с целебными маслами.

Жизнь пленницы была для Оталии не в новинку, ведь в отцовском замке она жила практически также. Разве что в более комфортных условиях, но башню золотой клеткой она не считала, скорее, временным убежищем от былых волнений.

«Ищут ли меня? Или отец решил не тратить силы своего мага на похищенную дочь? Ведь помимо меня, у него осталось еще пятеро, и любую из них он может выдать за моего бывшего жениха принца Понтана...» – она вздрогнула и бросила взгляд в ручное зеркальце. Ее глаза расширились:

– О небеса! Что я за сестра?! Король отдаст за этого слюнтяя мою дорогую Одетт!

«Мы с сестрой очень похожи, но лишь внешне. В остальном нежная и ранимая Одетт мечтала о другом человеке. Он давно занял место в ее сердце, а я разрушила эту мечту».

– Наш побег перед моей свадьбой должен был подарить ей надежду... – прошептала она и выбежала из башни с криком. – Скальд! – ее голос эхом разнесся по стене, но чародей не появился. Она прождала его до заката, пока не вернулась в башню и не забылась тревожным сном.

Ей снилась идущая Одетт. Ее всегда румяное личико было мертвенно-бледным, яркие рыжие волосы потускнели. Болезненным пятном на лице горели искусанные в тонких прожилках губы. Еще немного, и из их уголков потекут струйки крови.

Она остановилась перед алтарем, затянута в корсет и с пышной фатой на голове. Все это одевание душило ее; позади стоял король-отец и довольно ухмылялся. А рядом с невестой был напыщенный принц с неприятными, злобными глазами. Он схватил Одетт за запястье, и оно с треском сломалось, на пол посыпались кусочки фарфоровой кожи, и сестра обернулась, раскрыв рот в немом крике о помощи. Оталия очнулась и жалобно позвала:

– Скальд!

Она попыталась успокоиться, но слезы не переставали течь по горячим щекам. Соленые капли обжигали.

Кто-то коснулся ее плеча и прокаркал:

– Зачем ты меня позвала, принцесса?

В полумраке его глаза были еще чернее, чем днем. Черты лица сильно заострились, прямой нос напоминал клюв.

– Я прошу вас... тебя помочь. Я должна спасти сестру, – взмолилась она, сжав руки в кулачки.

Ворон сверкнул правым глазом, провел острыми черными когтями по столбику кровати, оставляя на дереве царапины.

– Что я получу взамен?

Девушка подползла к нему и схватила за ворот плаща, на миг ей показалось, что она прикоснулась не к ткани, а ко гладким, холодящим кожу перьям. Оталия не испугалась. Сейчас осознание вины перед сестрой было сильнее страха. Сильнее всего.

– Я готова сделать все.

Чародей накрыл ее горячую руку своей:

– Расскажи мне обо всем без утайки, – велел он.

И Оталия поведала об обедневшем дворянине-писателе, который подарил ее сестре сонет, а затем еще один и еще. Они подолгу общались в саду, и на встречи юный аристократ приносил для Оталии книги, помогал учиться. Но делал это не корысти ради, а потому что любил Одетт. Они мечтали, что сбегут вдвоем. Поэт будет ждать их на пристани, и они покинут земли отца на корабле, уплыв свободными к лучшему будущему.

– Ты положила свою жизнь на алтарь долга перед сестрой? И сейчас хочешь помочь ей? Хотя она не сделала ничего, чтобы высвободить тебя отсюда, – холодно сказал Скальд. В его голосе не было ни сочувствия, ни понимания.

– Откуда тебе известно? – с вызовом спросила Оталия. – Возможно, они ищут меня...

– Знаю, потому что был там сегодня и не слышал ничего, кроме обсуждений будущей свадьбы твоей любимой сестры, которая забыла о тебе и преспокойно сидела за вышивкой. Слуги шептались, что она, как истинная скромная девица, не чета своей пропащей сестре – не покидает стен комнаты. Какая смиренная дева, – из его горла вместе со смехом вырвалось неприятное карканье. – Кажется, я похитил не ту сестру, или, быть может, еще не поздно вас поменять? Согласна? Вернешься, выйдешь замуж за того расфуфыренного принца, чей портрет теперь стоит на столике прямо перед красными заплаканными глазами Одетт, – он впился в Оталию взглядом, но девушка даже не шелохнулась. Она неотрывно глядела на него, поджав губы. – Молчишь? Где же твоя забота о ней? Жертвенность, слезы, которых я до этого видел? Все фальшь. Ты не хочешь занять ее место. У тебя иная мечта, но этот проклятый долг мучит тебя, – искушал Скальд. – Что если... все, чему тебя учили почтенные дамы – ложь, и никому в этой жизни ты ничего не должна? Даже если твоя сестра выйдет за принца, родит ему парутройку наследников и умрет во время последних родов, что с того? Твоей вины в этом нет. Будь она посмелее, то либо сбежала бы со своим любовником, хотя бы попыталась, либо в знак свободы выбросилась бы из окна вместе с никудышным шитьем.

Оталия сидела подле него, чувствуя, как ее начинает трясти. В душе бушевали гнев и сомнения. Она не знала, чего ей сейчас больше всего хотелось: наброситься на чародея и ударить или же разрыдаться от бессилия.

«У меня есть и третий вариант», – шепнул внутренний голос, и, сделав глубокий вдох, девушка разжала пальцы. На ладонях остались следы полумесяцев от ногтей.

– Все это не для меня. Я люблю сестру, но меняться не стану, – твердо сказала она и увидела недоверие на лице мужчины. – Все, что мне нужно – отдать ей и ее жениху необходимую сумму и помочь переправиться за море, как мы и планировали. Полагаю, для такого сильного чародея, как ты, это не проблема, я же от своего слова не отступлюсь. Если ты согласен, то... – она протянула ему руку. Отец всегда так делал, когда заключал выгодные договоры.

Скальд прищурился, и улыбка озарила его лицо.

– Смотри, как бы ты потом не пожалела об этом, – он поцеловал ее руку, вдохнув аромат ванильного масла, которое ей прислал. – Желаеть, чтобы я передал ей что-нибудь от тебя, чтобы она поверила в свое счастье?

Оталия вручила свои изумрудные серьги – две песчинки упали на протянутую ладонь. Чародей сжал их и вновь усмехнулся:

– Однако скромно же ты была одета, принцесса, если бы я не знал, кто ты, то решил, что принес самозванку.

– Ступайте, сударь, и поторопитесь, ситуация не терпит промедления, – она нашла в себе силы говорить спокойно. – Приятного полета, – Оталия даже улыбнулась.

С шорохом чародей обернулся большой птицей и, каркнув напоследок, улетел. Принцесса закрыла дверь и вернулась в постель, ее трясло от холода, хотя в камине уже который день полыхал огонь. Но ни его тепло, ни еда в корзинке не привлекали.

«Что же он попросит у меня взамен?» – к счастью, стоило ей переложить груз ответственности на чародея, как сразу стало легче. Она свернулась среди подушек и, укрывшись одеялом, долго любовалась игрой полыхающего огня, пока за окном не начало светать. Ота и помыслить не могла, что чувство вины перед сестрой все это время душило ее и не давало спокойно спать. «Я хотела сбежать и взять ее с собой, наших драгоценностей хватило бы, чтобы перебраться через море. Она бы вышла замуж за своего поэта, а я продолжила бы изучать науки. Но отец стал о чем-то подозревать, и поэта отвадили от дворца, а за нами постоянно следили. Но мы бы все равно выбрались, чего бы мне это ни стоило», – мысли роились в ее голове, противореча друг другу, пока она крепко не уснула, да так спокойно, как не спала никогда.

Скальда не было несколько дней, и находившаяся без еды Оталия решила, что с чародеем что-то случилось. Она держалась на воде четыре дня, на пятый девушка настолько обессилела, что не смогла подняться с постели. Сон и реальность путались в ее сознании. Оталия не понимала, чудится ей шум крыльев или это ветер играет с занавеской приоткрытого окна. Окна?

Ее приподняли за плечи и влили в рот теплую жидкость. Принцесса с жадностью проглотила, чувствуя привкус куриного бульона и смесь пряных трав. Вкусы и запах раскрылись для нее яркими красками, она готова была вылизать все до последней капли. Но ей не позволили, уложив обратно на подушку.

– Твоя сестра передает тебе привет и рада слышать, что мы тайно обручились, и ты моя будущая жена, которая скрывала свою истинную любовь даже от нее, – поделился чародей.

Он вновь над ней насмеялся. Но в этот раз Оталия заметила на его лице следы усталости от бессонных ночей: под глазами залегли темные круги, губы потрескались, руки слегка дрожали. Ей понравилось видеть его в таком состоянии, она злорадствовала и оттого улыбалась, но чародей трактовал ее реакцию по-своему. Принцесса не переставала его удивлять. Вот и теперь вместо возмущения она улыбается, и ее ничуть не смущает, что он лежит рядом, накручивает прядь ее волос на палец. Но когда он хотел сказать очередную колкость о ее добронравии, девушка уже крепко спала.

Он не знал, что дело со второй принцессой потребует столько хлопот. Вначале ему пришлось нагряться к Одетт. «Эта гусыня оказалась не так спокойна, как ее сестра. Едва не подняла крик, так перепугалась говорящего ворона», – вспоминал он, лежа на подушке и поглаживая волосы Оталии.

Но стоило показать серьги и представиться мнимым женихом – все пошло по плану. Принцесса написала письмо своему возлюбленному, а Скальд отнес его заспанному идиоту, пьянствующему от одиночества и душевных страданий. Несколько оплеух, отрезвляющее зелье – и он был готов выслушать Скальда. Чародея не могла не порадовать быстрая реакция молодчика. У того, как оказалось, давно все было готово. Без утайки он рассказал Скальду о плане побега, придуманного лично Одетт. Пока ее «любимую» сестру при попытке сбежать перед приездом жениха якобы случайно ловит стража, Одетт с поэтом под ночной шум покидают дворец и оказываются на корабле. А Оталия, как и было задумано, выходит замуж. Драгоценностей, дорогих тканей и денег от продажи дома возлюбленного Одетт хватило бы ненадолго. А чуть позже она бы отписала замужней Оталии, посетовав на неудачный побег, что ей и племяннику требуются еда и новая одежда. И Оталия не смогла бы отказать, выслав необходимую сумму, даже не подозревая о том, какую змею пригрела на груди.

«Вот она, сестринская любовь. Оказывается, добродушная Одетт вовсе не пеклась о судьбе Оталии, а думала лишь о себе и о том, как побыстрее сбежать, чтобы никто не заметил ее округлившийся живот. Потому-то она безвылазно и сидела в своей комнате. Прожженная стерва», – на секунду ему стало жаль Оталию, но он мгновенно об этом забыл. «Она взрослая и должна была привыкнуть, что дворцовая жизнь – это не цветущий сад, а наполненный змеями террариум, где самый близкий человек – заклятый враг».

– А я-то столько лет грешил на короля Альрика, но твои враги куда опаснее, чем мой.

Принцесса тяжело вздохнула и перевернулась на другой бок, уткнувшись носом чародею в грудь, ровно в то место, где когда-то давно была выжжена защитная пентаграмма.

Скальд убрал прядь волос с ее лица, обнажив мочку уха и шею. Из украшений на ней остался кулон на тонкой цепочке, скрытый в вороте ночнушки, и скромное колечко.

«Она отличается от своих сестер, но неизвестно, сколько в ней самой осталось колючек из их розария. Возможно, мне стоило убить ее и принести обглоданные морскими обитателями кости на завтрак королю...»

Когда-то и Скальд был таким же молодым и наивным, как принцесса, но смерть отца расставила все по своим местам. Визариуса Ансеймского не только изгнали из дворца Альрика, но и кровожадно убили под видом несчастного случая, дабы не нанести Некрополю оскорбление потерей сильного мага. По мнению Альрика, придворный чародей вел не только опасные беседы, порочащие его корону, но и задумывал переворот.

Однако все, чего хотел Визариус – не только прекратить гонения на ведьм, но и открыть в Перлии школу магии, основать ковен ведьмаков. Он мечтал, чтобы девочки учились наравне с мальчиками и также стремились к знаниям, в открытую могли их получать и раскрывать свои магические способности. За Маэльстремом уже давно возвели магический университет Виверна, где Скалду было уготовано место студента.

Отец позаботился о сыне, оставив жить в Некрополе, подальше от зашоренности⁶ Валентора, где женщинам не разрешалось учиться, и они стояли ниже мужчин; никто не уважал их. Визариусу захотелось сломать это колесо. Он был одним из профессоров Виверны, и ректор не хотел отпускать старого друга и коллегу, но тот давно все решил.

Скальд лишился отца, когда ему было достаточно лет, чтобы почувствовать болезненную, отдающую железным привкусом месть. Он взял себе новую фамилию, а прошлое закрыл в глубине души. Но ни на миг не забывал, кто его враг.

Некрополь смог отвлечь его, помочь забыть. Скальд обожал столицу, но желание отомстить не давало покоя.

Некрополь представлял собой лабиринт из вымощенных камнем улиц, окруженных старинными зданиями со стрельчатыми окнами и арками. Через город протекало несколько каналов с черной зеркальной водой.

На холме, возвышаясь над столицей, был воздвигнут мрачный, завораживающий взгляд замок короля Энрота. Под крышей самой высокой башни полыхало сине-фиолетовое пламя, освещая пристанище короля-некромага и оберегая его стены от темных сил. За ними до снежных гор между деревень и лесов простиралось старинное кладбище, давно стершееся с лица земли. Под фундаментами выросших на когда-то голой земле домов можно было обнаружить от двух до десяти могил. Из-под корней деревьев торчали не просто камни, а углы гробовых плит или опутанные ветвями кресты.

Остроконечные крыши и кованые шпили пронзали хмурое небо над столицей Некрополя. Многие окна и двери были застеклены разноцветной мозаикой. На витражах проклятого храма изображались различные предзнаменования смерти: белые лилии, кресты, черепа и прочие кости, даже облик самой смерти в темном балахоне с косой. Это было пристанище

⁶ Духовно неразвитый; ограниченный

некромагов. Перед боем с темными силами, очередным походом на кладбищенские земли они молили об удаче демонам подземного мира, откуда к ним проникала первородная тьма. Для небесных же собратьев за стенами города ближе к горам стоял светлый храм – оплот целителей, обучающихся лекарскому ремеслу перед поступлением в находящийся ближе к морю магический университет Виверна. Учебное заведение носило фамилию сильнейшего некромага, построившего его. Поговаривали, что Нерв Виверн был оборотнем, но не с волчьей сущностью, а разновидностью костяного дракона. Он лично преподавал студентам некромагию и передавал боевой опыт. В своем университете он открыл три факультета: некромантии, боевой магии и целительский. Но лишь избранные, обладающие сильным даром, могли туда поступить; отбор был жестоким, а порой и кровопролитным.

На аудиенции у короля Энрота Нерв лично настоял на том, чтобы Виверна была за чертой города, вдали от излишеств и столичных соблазнов, поближе к сельской местности и Маэльстрему, дабы лучше изучать морских обитателей и, быть может, подружиться с ними. Нерв, королевский маг, рассказывал Его Величеству многое из того, о чем другие не ведали. Например, о том, что не всегда в морской пучине обитали монстры, и пришли они лишь тогда, когда люди разделились. Одни остались в Некрополе, а вторые уплыли в Валентор. Здесь воздух был пропитан первородной тьмой демонов, и, быть может, поэтому оставшееся племя быстрее развило свои магические способности, не побоявшись врагов из подземного мира, где властвовал мрак.

За неприступными стенами форта неподалеку от столицы была воздвигнута верфь с двумя маяками, откуда по темным водам реки Андрас через Маэльстрем до земель Валентора уплывали торговые корабли. Море омывало Некрополь со всех сторон, и путь по воде был долг и полон опасностей. Судоходцев подстерегали не только коварные русалки, но и подводные чудовища. Однако чаще всего благодаря защите боевых магов торговцы и пассажиры вместе с товаром возвращались целыми и невредимыми. Король Энрот относился к «необразованным» соседям снисходительно и терпеливо, втайне осуждая методы правления Альрика. Он не раз слышал от мореплавателей и магов рассказы о жизни и порядках Валентора, но отдал четкий приказ не вмешиваться. Ему хватало и своих забот. Некрополь никогда не покидала «чума». Она жила под землей королевства, питалась ее соками и жизненной энергией, в любой момент на кладбищах или местах скопления темной энергии могли восстать личи, выйти демоны и погрузить мир людей в вечный мрак, превратив их в рабов. Энроту не было дела до участи женщин и ведьм Валентора, на его плечах лежала своя с трудом переносимая ноша. Поговаривали, что когда-то первыми существами, появившимися на этих мертвых землях, были костяные драконы. Они пришли из мира демонов в надежде обрести свет, но не выдержали ни свежести воздуха, ни голубого неба, ни солнечного света и обратились в прах. Из их останков появились первые люди, и каждый из них обладал даром к некромагии, исцелению, боевой магии, а также умением создавать защиту против демонов. От тех людей пошли другие – и людской род расширился. Так гласили легенды. Скальд вырос в Некрополе, рано потеряв мать, и обучался под строгим присмотром отца, а когда того не стало, над ним взял шефство Нерв Виверн.

Шли годы, Скальд вырос, покинул привычную столицу, бросил работу инквизитора в Магистрате⁷ и отправился в Валентор. Никто из придворных Альрика не обратил внимания на появившегося в замке ворона. Кому есть дело до сидящей на ветке птице? Разве что новый королевский чародей мог что-то заподозрить, но ему было далеко до Визариуса, а теперь и Скальда.

⁷ Орган городского управления с несколькими отделами в.т.ч. и инквизиторским, куда поступали все уведомления для инквизиторов (некромагов) о нападениях темных сил, вскрытых могилах, восставших мертвецах, личах и пр. нечести. Боевой отдел занимался правопорядком среди населения.

«Я мог бы убить чародея, занять его место и добраться до короля, но это было бы слишком просто. Яд? Чтобы он умер во сне? пытки? Чтобы уподобиться ему и его слугам?» – ни один из вариантов не подходил Скальду, он жаждал иного отмщения, мечтал, чтобы враг также мучился, как когда-то он. У Альрика были только дочери. Он души в них не чаял, хоть и был строг, порой чересчур, скрывая истинные чувства. И если принцессы видели его холодность, желание выгодно отдать их тому или иному жениху, то Скальд – совсем другое. Король мечтал о внуках, желал счастья дочерям и надеялся, что со знатными господами, умными и храбрыми мужами, служившими ему верой и правдой, его дочери найдут свое счастье. Всех их он любил одинаково, но старался не поощрять упрямство и высокомерие. К сожалению, все вышло иначе. Больше всего внимание Скальда привлекла средняя дочь – Оталия. Он видел, как тайком принцесса занималась чтением, изучала науки, стремилась к знаниям и мечтала об иной жизни, думая, что отец не в курсе. Но он умело играл в неведение, всячески нашептывая учителям, чтобы те на совесть выучили дочь – ведь за ней будущее, и к драгоценностям принцессы ссужались еще деньги. Лишь на год после замужества Оталия должна была уехать в соседнее королевство под видом невесты с миссией посла, а затем к удивлению окружающих вернуться и сменить отца на троне, став полноправной главой государства. Тогда-то Скальд и понял, кто истинное сокровище в цветнике. Альрик боялся заговора и того, что дочь убьют, стоит ему заикнуться о своих планах. Некоторые аристократы в открытую предлагали отдать корону самой старшей, но отец семейства был не согласен.

На поле Скальд решил проверить, насколько девушка смела, и налетел на Одетт, намереваясь якобы забрать именно ее, но Оталия оттолкнула сестру и попала к нему в когти, тем самым избрав свою судьбу. Заточение в башне оказалось ей больше по душе, чем насильственное замужество и корона, о которой она даже не подозревала. Да и узнай Оталия о плане отца, согласилась бы смиренно принять его?

Скальд не рассказал принцессе, что на ее поиски король отправил солдат и как следует встряхнул придворного мага, чтобы тот использовал все доступные средства и нашел любимую дочь.

Чародей наблюдал за жалкими попытками соперника заглянуть в хрустальный шар, отследить Оталию по ее личной вещи – бесполезно.

«Они еще долго будут искать ее по всему королевству», – да и здесь, за морем на свободных землях, чародей все предусмотрел. Он положил в корзинку девушке зачарованные ароматические масла – даже если маг израсходует все свои силы и призовет магическую гончую, та не учует принцессу. Все будут считать девушку пропавшей или погибшей, ведь мало кому известно, какие существа водятся в море. Конечно же, никаким женихом он Одетт не представлялся, ему хватило и одной фразы:

– Твоя сестра послала меня спасти тебя, – и та, не задумываясь, сделала все, что он приказал, даже не поинтересовавшись Оталией.

«Если дочь не вернется к Альрику, кто же займет трон? Уж не двуличная ли Алида?..» – думал Скальд, сидя в гостиной у потрескивающего камина, потягивая вино и всматриваясь в игривые всполохи пламени. Они извивались, оборачиваясь в переплетенные человеческие тела.

В башне крепко спала Оталия.

«Посмотрим, как тебе дорога свобода», – решил он и, поднявшись с кресла, подошел к окну. Распахнув его, чародей выглянул наружу. Замок окружал колдовской туман. Скальд усмехнулся и с силой подул. Белесая стена спала, растворившись в воздухе.

– Теперь тебя будет легко найти... но захочешь ли ты этого?

Дни сменяли друг друга, Оталия была вольна покидать башню и стену. Наконец-то ей позволили как следует изучить замок. Скальд отсутствовал, и девушка свободно бродила по

незапертым комнатам, любуясь непривычной обстановкой. Стены изнутри затянуты тканью, не чувствовалось ни мрака, ни холода. По полу не тянуло сквозняком, окна в некоторых помещениях были прикрыты полупрозрачным занавесом, тонким и легким, словно шелк. Полочки без единой пылинки ломились от книг.

Почти до вечера Оталия проводила время в библиотеке, забыв про еду и сон – книги были ей лучшей трапезой. Часто она засыпала в кресле, свернувшись под пледом, но Скальд ни разу ее не отругал. Следующим местом для прогулок стал запущенный сад с небольшим прудом и полуразбитым замусоренным фонтаном. Туман растворился, и Оталия могла наслаждаться видами с холма, на котором и стоял небольшой замок чародея. Вдалеке возвышались деревья: их темные верхушки уходили в небо, и от этого у Оталии создавалось ощущение, что она парит над землей.

Однажды утром корзинки с провизией не оказалось на привычном месте, и принцесса спустилась в кухню.

– Давненько я не готовила, – пробормотала она, осматривая полочки. В шкафу для заморозки продуктов лежали мясо и сыры. – Это гораздо удобнее, чем ледник, и в промозглый подвал не нужно спускаться, – принцесса вытащила куриное мясо. Из холщового мешка набрала картофель и приступила к готовке, стараясь орудовать ножом очень осторожно, помня, как больно резаться. Мысленно Оталия благодарила их повара, подпустившего ее к плите и научившего кулинарии.

У нее вышла небольшая заминка с огнем, но у плиты лежала горка поленьев, а на верхней полке над очагом она обнаружила коробок спичек. Зажечь получилось только с третьей попытки, сломав две спички.

– Ну, ничего, не все сразу, – подбадривала себя принцесса, водрузив тяжелую сковородку на чугунную поверхность и вороша кочергой поленья. Пока огонь разгорался, а плита нагревалась, она очистила картофель от кожуры и, как следует вымыв под краном, нарезала дольками, как и учил повар. «Главное, не слишком толстые, но и не тонкие, иначе они сгорят», – помнила Оталия его слова.

Как только ломтики стали приобретать золотисто-коричневый цвет, Оталия проткнула один вилок и, подув, чтобы не обжечь язык, попробовала на вкус.

– Соли не хватает, – про нее она позабыла, но быстро нашла на полочке с другими приправами. Чтобы не подгорело, принцесса переложила приготовленный картофель на блюдо и принялась за мясо.

К горячему она достала из шкафа овощи и нарезала салат; не хватало свечей, вина и...

– Не знал, что принцессы умеют готовить, – в кухню вошел чародей. Его ноздри жадно раздувались, а в глазах был голодный блеск.

– А я не знала, что у меня получится, попробуешь? – она отодвинула для него стул и поставила столовые приборы.

Скальд молча сел и получил порцию картофеля с мясом; себе Оталия оставила совсем немного. «Сытый мужчина – довольный мужчина», – помнила она присказку повара.

Чародей придирчиво осмотрел еду, понюхал и осторожно распробовал:

– Хм, сгодится... – вынес он вердикт. – Подай приправу.

Девушка пожала плечами и поставила перед ним солонку с перцем:

– Только вина я не нашла.

Скальд встал из-за стола, подошел к шкафу и протянул руку вверх, достав слегка запылившуюся бутылку.

«Кто же хранит вино не в подвале?»

– Ты уже пила? – спросил чародей, плеснув багровой жидкости себе в бокал.

– Да, на балах, но отец внимательно следил за нами и велел слугам разбавлять вино водой.

«Будто я малое дитя, чтобы много выпить» – чрезмерный контроль отца всегда раздражал ее, не давая свободно вдохнуть. Правда, однажды они с сестрами изрядно напились, впервые устроив небольшой девичник. Тогда всем пришлось ночевать в спальне старших сестер, и наутро Алида с Аланой были злющими, как престарелые аристократки, раздавая оплеухи служанкам.

– Я не твой отец и следить не собираюсь, – равнодушно сказал Скальд, вручив ей бокал. Не чокнувшись и без тоста они выпили. После еды девушка убрала посуду, а пока мыла, на столе появился десерт: безе, треугольники разнообразных тортов и... мороженое – нежно-зеленого цвета, с листиками мяты и красными ягодами смородины. Ближе к принцессе стоял чайник из голубого фарфора, пахло травами.

– Угощайся, – великодушно предложил Скальд, взяв кубок с мороженым. – Это моя благодарность за завтрак. Хотя я предпочитаю омлет с беконом и крепкий кофе.

Оталия присела за стол и попробовала безе – нежный лавандовый вкус, десерт таял на языке, хотелось зажмуриться от удовольствия.

– Это будет моей оплатой за оказанную тобой услугу? – осторожно спросила она, налив себе чай.

Скальд задумчиво потер гладко выбритый подбородок и усмехнулся:

– Скажем так... лишь начало твоей выплаты. Я привык жить один и сам о себе заботиться, но от женской помощи не откажусь. Должна же и от тебя быть какая-то польза, – он оскалил ровные белые зубы в улыбке, и Оталия с трудом сдержалась от остроты. – Но если не устраивает мое гостеприимство, я могу отнести тебя к жениху. Думаю, принц Понтан будет несказанно рад возможности обогатиться за счет выгодной партии.

Оталия сжала руки в кулаки, но промолчала. По глазам чародей понял, что разозлил принцессу. «Вот так. Я знаю, что тебе не по душе даже лучше, чем ты сама».

С того дня Оталия взяла всю готовку на себя, не посмеяв роптать. Для нее это было пустяком в сравнении со свободой. «Уж лучше прожить здесь, готовя и убираясь для чародея, чем у принца под боком, нежась на шелковых простынях и увешанной драгоценностями». Принцесса понимала, что чародей опытный мужчина, повидавший на своем веку многое из того, о чем она даже не подозревает.

Ее миром был замок отца, прилегающий к нему луг и книги. На шероховатых страницах и причудливых иллюстрациях она видела волшебство знаний, каждый день проглатывая одну книгу за другой. Это было ее отдушиной.

Чтобы занять руки и не слоняться без дела, она принялась наводить порядок в саду – это заняло несколько дней, и ее зеленое платье превратилось в обноски. Оталия взяла иглу с нитью и залатала дыры; примерить одно из висевших в шкафу платьев она не захотела. Слишком пышными они были.

В саду, оплетая беседку и каменные фигуры животных, вдоль отвесной стены и башни рос шиповник. Его длинные и острые иглы были не такими, как у привычного Оталии растения, но когда на улице становилось солнечно, на шиповнике распускались малиновые цветы, и их аромат одурманивал. В такие моменты девушка обрывала лепестки для засушки.

Время шло незаметно; лето сменилось осенью, а Оталия продолжала жить бок о бок с чародеем. Чаще всего она была предоставлена самой себе, наслаждалась одиночеством и покоем. Скальд где-то пропадал, новостями извне не делился, да и она не спрашивала.

Зачем ей знать, кого из сестер отец выдал замуж, сильно ли выросли младшие. Сейчас каждая из них пошла своей дорогой.

Однажды любопытство привело ее на чердак. Солнечного света, пробивающегося сквозь окошки-бойницы, хватило, чтобы разглядеть помещение с низким потолком. В углу притаи-

лась увешанная паутиной прялка, а рядом – несколько мешков. Оталия развязала один из них и обнаружила там кудель пряжи.

– Хм, мне будет чем заняться, – решила она. Сначала вытащила мешки, а затем и прялку, стараясь на задеть ножкой выпирающие половицы.

Она оттащила все к себе в башню, радуясь, что прялка не тяжелая, и принялась за дело. Куделей оказалось так много, и все приличной длины, что Оталия растерялась.

– Не мести же вами пол, – решила она и, закрепив их на кровати, распахнула окно и перекинула кудели через подоконник. Седой косой они упали вниз.

Устроившись поближе к свету и напевая, Оталия стала работать. Прялка весело стрекотала под ее песню, пальцы активно перебирали нити, сматывая в клубки. Она укладывала их в приготовленную корзинку и отвлекалась только на то, чтобы приготовить обед с ужином и самой перекусить, а на следующее утро продолжала. Работа увлекла ее, разогнав все мысли, пока Оталия не услышала, как ее кто-то окрикнул. Стрекот затих, и, смахнув налипшие на ладони волоски, принцесса выглянула из окна.

Внизу у подножия рядом с кустом шиповника стоял молодчик в богатом наряде.

– О, прекрасная дева! Я знал, что слухи правдивы! – начал он. – Лесники говаривали, что слышали из этой части леса дивное женское пение. Они решили, что ты лесная нимфа, которая приносит людям удачу, но я и подумать не мог, что увижу настоящую девушку!

Оталия удивленно выслушала его высокопарную льстивую речь и тяжело вздохнула.

«Вот же! Принесла нелегкая! Да еще и прямо под мое окно».

– Кто заключил тебя в эту башню? Какой злодей посмел скрыть твою красоту от мира и моего сердца, с первого взгляда я понял, что нам суждено быть вместе! Я спасу тебя! – не унимался гость.

«Ох и шумный он! Где же Скальд?» – чувство, что этот молодчик сможет до нее добраться, нервировало. «А если он разнесет по округе, что я здесь, и об этом прознают слуги отца или принца?» – она стала думать, как избавиться от раздражающего крикуна с его приторными речами.

– Зашвырнуть бы его куда-нибудь да подальше, – процедила она. – Жаль, я не владею магией.

– Что ты сказала, дева? Мне взобраться и спасти тебя?!

Оталия отпрянула от окна и стала бродить по комнате, заламывая руки.

– Взобраться, говоришь? – она с прищуром глянула на пузырьки с маслом. Взяв все флаконы, девушка вернулась к подоконнику и незаметно вылила их содержимое на висящую кудель. К несчастью, жидкости было мало и не хватило даже на половину. А «жених» карабкался наверх.

– Демоны тебя раздери. Еще бы я что-то сказала, – вцепившись в подоконник и пытаясь раскатать косу из куделя, она тяжело вздохнула. – Скальд, ну где же ты, когда нужен!

Все это время чародей спокойно сидел на крыше башни, наблюдая за гостем. Ему было интересно, что предпримет девушка, попросит ли незнакомца спасти ее, но этого не произошло. Она металась по комнате, пока не сообразила применить подаренное им масло.

– Немного увлажним... – прошептал чародей и покрутил указательным пальцем. Масло, словно вода, потекло вниз, пока не заскользило между вцепившихся в кудель ладоней фанфарона в пышной шляпе с ярким пушистым пером. В его ухе поблескивали серыги, пальцы были унижены перстнями. «Вылитый петух», – с усмешкой думал Скальд, не без удовольствия наблюдая, как гость шмякнулся о землю и теперь потирал ушибленный зад.

– Что-то скользкие у тебя косы, дева!

– Какие есть! – крикнула в ответ принцесса. – Вы знаете, я безвылазно здесь сижу и так давно не мыла голову, вот они и засалились!

Скальд усмехнулся ноткам радости в ее голосе.

– И все же! Я взберусь к вам, и тогда мы предадимся любви, о нимфа!

– Жду не дождусь, – процедила Оталия. – Только об этом всю жизнь и мечтала: отдать себя такому индюку, как ты.

– Я уверен, мы с вами станем отличной парой, а волосы... их можно и помыть! – продолжил фанфарон. – У моей тетушки Гертруды те как пакля: ни один цирюльник не смог их ни причесать, ни помыть, а все потому что тетушка каждый день поливает их средствами для укладки. Сейчас в моде высокие прически.

– Да что вы говорите? А я вот совсем за модой не слежу. Но сударь, быть может, вы все-таки оставите эту затею... – увещевала Оталия, но гость оказался тем еще упрямым.

Скрипя зубами, он пытался вновь и вновь.

– Ну что вы, миледи, я готов потратить на это все свои силы, ведь в конце меня ждет награда! Неземное блаженство, я уверен! Как в той легенде, где принц поднялся по косе пленницы, и они жили долго и счастливо!

– Бедняжка, как она выдержала такую пытку, – проворчала Оталия, погладив себя по затылку. – Должно быть, вырвал ей все волосы с кожей, бр-р-р... – ее передернуло.

Гость все не унимался, но каждый раз, стоило ему хоть немного приблизиться к середине башни, он соскальзывал вновь и вновь до тех пор, пока эта забава и его болтливый язык не наскучили Скальду. Чародей покачал пальцем из стороны в сторону, и кудель стала так же раскачиваться.

– Миледи, прекратите, иначе я сорвусь! – заверещал «петух», в его глазах появился страх. Одно дело упасть на мягкую траву, и совсем другое... он истошно закричал, обрушившись на острые иглы шиповника. С криками и бранью, не присущей приличному аристократу, гость скатился по холму и упал в замковую канаву с тухлой водой. Оттуда он с трудом выбрался и едва уволок ноги, решив, что пусть кто-нибудь другой попытает счастья и освободит деву с жирными волосами, а он лучше предается любви с румяной и аппетитной дочерью булочника в деревне неподалеку.

Оталия еще долго смеялась, провожая гостя взглядом победительницы. Она не знала, как так получилось, но решила, что гость просто сорвался.

– Ох, жаль масло. Извела на этого недотепу, – посетовала она, как с карниза на подоконник спрыгнул Скальд, едва не столкнувшись с девушкой нос к носу.

Оталия отпрыгнула в сторону и зашипела:

– Вас что, не учили стучаться? – но тут же замолчала.

– Что же вы, Ваше Высочество, потеряли такого жениха? Какие льстивые речи он вам говорил, можно заслушаться, – ехидно отметил чародей, сидя на подоконнике и поглаживая кудель. – Неужели не хотели сбежать с ним? Предаться страсти где-нибудь под можжевельным кустом?

Девушка сложила руки на груди и гордо вздернула подбородок:

– Не моего поля ягода, но когда достойный найдется, будьте уверены – я вам сообщу, а сейчас пойду готовить ужин, – она сделала реверанс и удалилась.

Скальд проводил ее фигуру задумчивым взглядом. Даже в рванье с растрепанными волосами она оставалась принцессой, сохраняя свое достоинство.

Глава 3

Скальд позаботился, чтобы непрошенный гость забыл дорогу к замку.

Оталия сделала из куделей пряжу и убрала ее в комод.

– На зиму? – девушка закрыла ящик и призадумалась. «Проживу ли я здесь до холодов? Не решит ли Скальд от меня избавиться?» – но чародей и пальцем ее не тронул. Они жили как прежде, встречаясь за совместной трапезой или в библиотеке.

Как-то раз, собирая ягоды шиповника в корзинку, чтобы приготовить из него варенье, Оталия заметила бредущего к пруду Скальда.

Чародей взмахнул руками – и столп взмыл в небо, а затем с плеском обрушился кристально чистой водой. Сбросив с себя верхнюю рубаху и оставшись в коротких штанах, чародей потер босые ступни о траву и прыгнул в пруд. Вынырнул он посередине, рассекая воду мощными гребками.

Принцесса забыла, как дышать, жадно всматриваясь в каждый бугорок налитых мышц чародея.

«В книгах все выглядело иначе, да и в королевском озере мужчины купались в рубашках, чтобы не смущать дам», – она с силой сжала куст, и игла проткнула ладонь. Вскрикнув, девушка выронила корзинку, и все ягоды рассыпались по траве.

Вытащив из кармана платок, она хотела перевязать на удивление сильно кровоточащую рану, но помешала холодная рука Скальда. Мужчина стоял перед ней с мокрой головой, по его шее и мускулистой груди с темными волосками стекали капли воды. Но не это привлекло девушку, а выжженная пентаграмма, под которой билось сердце.

– Кто это сделал? – она невольно коснулась пальцами белесого круга и звезды, почувствовав твердость мышц и исходящий от кожи жар.

– Преподаватели в университете, – хрипло ответил он. – Знак прохождения обряда одержимости.

– Что это за обряд? – девушка попыталась высвободить больную руку из его цепкой хватки. – Я сама перевяжу... – пролепетала она, чувствуя, как смущается. То ли ее волновала близость с чародеем, то ли его полуобнаженный и мокрый вид.

Он ловко затянул узел на платке:

– Угу, я видел, как ты сама, – но так и не отпустил ее. – Этот обряд проходят те студенты, кто решил посвятить жизнь борьбе с темными силами. Носящий пентаграмму находится под защитой, поэтому мое тело и разум никто не займет и не сможет влиять... – чародей неожиданно притянул ее к себе.

Оталия почувствовала, как платье на груди вмиг пропиталось влагой, Скальд смотрел на нее пронзительным взглядом, от которого принцессе стало не по себе. Она едва дышала, боясь отвести глаза и чувствуя вместо холода жар, а гулкий стук сердца мешал собраться с мыслями. Это близость волновала и одновременно пугала ее.

– Ты не видела обнаженных мужчин? Или, как твоя любимая сестрица, отдала невинность бедному поэту?

Принцессе стало так обидно от его слов, как ни от чьих других. «Он не знает Одетт, не ведает о ее добродетели. Грубый мужлан». Она дернулась назад, но мужчина уже ее отпустил, и Оталия ударилась спиной о стену.

– Надеюсь, ты не такая, как твои сестры, – глухо сказал Скальд и ушел.

Девушка опустила на траву, ее губы дрожали, а глаза защищало. По щеке скользнули горькие слезы, и она прошептала:

– Не такая... и не буду такой, как они, – почему-то ей было важно, чтобы Скальд это знал, чувствовал уверенность в ней. За сбором ягод принцесса немного успокоилась, удивляясь, почему придает большое значение словам чародея, которые ее задевают.

На столе в кухне лежала раскрытая книга с рецептом варенья из шиповника.

Как следует промыв ягоды и очистив их от пыли и листвы, Оталия принялась за готовку первого в своей жизни варенья и его консервации на зиму.

До вечера она провозилась на кухне, время от времени выходя на улицу, чтобы подышать свежим воздухом. Ее щеки заливал румянец, передник был в пятнах от ягод, а волосы под косынкой распушились и пахли сладковатым ароматом.

Скальд заглянул на запах, когда девушка умывалась. Струйки стекали по ее шее и исчезали в вырезе лифа, пропитывая светлую ткань рубашки, через которую начала просвечивать грудь. Принцесса этого не заметила, неторопливо помешивая деревянной ложкой варенье в большом тазу. На столе мерцали найденные на том же чердаке емкости для консервации, а рядом стоял горшочек с тягучим золотистым медом.

На полу у стола Скальд обнаружил несколько мешочков с торчащей из них мятой, сосновыми веточками и прочими целебными растениями.

Чародей усмехнулся. «Она не теряет времени», – ему никогда не нравилось заниматься сбором, как лекарям в Виверне, но время от времени приходилось это делать, чтобы в холодную пору не умереть от какой-нибудь простуды.

Этот замок он получил вместе с наследством от отца. Скальд жил скромно, и ему хватало на жизнь. Он не промышлял грабежами, не требовал выкупа за Оталию. Деньги не имели для него жизненно важного значения, а были лишь средством для достижения цели.

Люди в этих землях знали о таких как он чародеях, избавляющихся от разной нечисти. И охотно платили, чтобы посторонний пожертвовал жизнью, сразившись с болотной тварью, избавился от кладбищенского упыря или кого поопаснее.

Наблюдая сквозь дверную щель за готовкой, Скальд призадумался. «Ее похищение совсем не похоже на месть королю. Скорее, я спас ее от незавидной участи, но что дальше?» – как ни странно, но за все это время в его голову ни разу не забрела мысль воспользоваться положением девушки. И хотя Скальд считал себя далеким от света человеком, но превращаться в мерзавца, насилующего невинных, он не собирался. Почему-то ему совсем не хотелось навредить Оталии, и порой это его раздражало. Так или иначе, но они привыкли друг к другу. Чародей глядел на стройную девичью фигурку, румяные щеки и приоткрытые губы, видел, как от духоты ее грудь вздымается, а ткань очерчивает крохотные соски. Принцесса была молода и свежа, в ее глазах сохранились невинность и искренность, которые ни с чем не спутаешь. Скальд давно лишился этих качеств или же запрятал в глубину прожженного пентаграммой сердца.

«Хочу ли я сломать эту королевскую розу? Срезать ее бутон, измять нежные лепестки и оставить шипы?» – он не вожделел ее, но и не отвергал этой потребности. В его голове проносились сменяющие друг друга образы возможного будущего с Оталией. Порой его помыслы обрастали кровавыми подробностями расправы над девушкой, но чаще, наблюдая, как она читает, засыпая в библиотеке за книгой, занимается домом, что-то вяжет, готовит... он испытывал странное, до сих пор чуждое ему ощущение покоя, душевного равновесия, которое заглушало желание отомстить за отца.

«Она такая же жертва обстоятельств, как и ты. Не ей отвечать за грехи отца, как и не тебе решать ее судьбу», – говорил внутренний голос. – Отомстить можно по-иному. Привязать ее к себе всеми возможными способами, чтобы однажды она осознала, как ей больно от этой близости».

Зима наступила незаметно, хотя, казалось бы, еще вчера Оталия могла гулять по саду без плаща, а сегодня землю сковало холодом. Порой с утра до ночи шел снег, погружая замок в пышное облако, а затем проносился сильный ветер – и сугробов как не бывало. Пруд затянуло толстым слоем льда, и если бы у Оталии были коньки, она могла бы покататься. Так они с сестрами делали каждую зиму, затем наряжали ароматную елку, придумывали прически для зимнего бала. Жизнь в замке казалась Оталии сном, словно она всегда жила здесь, вдали от толпы и суеты. Скальд также мог подолгу пропадать, и принцесса оставалась одна.

Как-то раз, прогуливаясь вдоль пруда, Оталия наслаждалась красотой зимних деревьев. Температура повысилась, и вода растаяла, лишь посередине плавали толстые льдины. Под кустом остролиста принцесса заметила странный темный сверток. Приблизившись, девушка поняла, что перед ней лежит незнакомец, возможно, замерзший насмерть. Нахмурившись, она подошла и протянула к его бледному лицу руку, затем нащупала пальцами шею. Вздых облегчения вырвался из ее груди: «Жив!»

– Как же его дотащить? – принцесса сняла с себя плащ и расстелила на снегу. Не без труда она перевалила несчастного на ткань и потянула за ее края. По снегу было проще тащить, чем по земле, и с остановками она дотянула его до дверей в кухню. Здесь пришлось поднапрячься, пока она не выбилась из сил.

– Ну и тяжелый... – запыхавшись, проворчала принцесса и, спотыкаясь, закрыла дверь. Больного она уложила рядом с камином на подушку и влила ему в горло лечебный отвар, растерла лицо, руки и ступни холщовым полотенцем, напоследок укрыв пледом. Большого она сделать не могла и стала ждать. Скальда все не было, а за окном быстро стемнело. В душе Оталии зародилось недоброе предчувствие. «Может, мне просто страшно находиться рядом с незнакомцем?» – думала она, перелистывая страницы лекарского справочника. За это время Ота привыкла к чародею: хоть он и похитил ее, но не был груб. Рядом с ним она чувствовала себя в безопасности, хотя сама не понимала, почему.

Незнакомец издал стон и неторопливо повернул голову. Принцесса встретила с замутненным взглядом бледно-голубых, по-рыбьи выпуклых глаз.

– Хорошо, что вы очнулись, – она не смогла сдержать улыбки облегчения и подскочила к нему с новым питьем.

– Благодарю, – прохрипел он. – Я заблудился и замерз, думал, не выживу...

– Примите это лекарство, – она вновь его напоила и промокнула уголки губ полотенцем. – Сейчас вам нужен покой и крепкий сон.

– Да, вы правы, меня зовут Таргет.

– Ота... – принцесса запнулась, но тут же улыбнулась, вспомнив слова Скальда о ее наивности. – Отдыхайте, а как почувствуете голод, скажите, я буду рядом.

Таргет крепко уснул. Бледность сошла с его лица, щеки зарумянились, а ресницы едва заметно трепетали во сне. У него была темная щетина и сальные волосы до плеч; одет в простую деревенскую одежду. Разве что свободная кожаная куртка с заклепками и истоптанные, но некогда качественные сапоги подсказали принцессе, что мужчина явно не из бедной семьи, да и на крестьянина не похож. Руки грубые, а на мизинце колечко с рубином. Она сняла украшение и поднесла к свече, как следует рассмотрев его.

– Хм, зачем ему носить женское кольцо? Ни один уважающий себя аристократ так не сделает, да и... как мне кажется, простолюдин тоже, – она вернула его владельцу, но убрала в карман куртки.

«Если человек женат, он носит мужское кольцо, если с любовницей, то снимает его, если же это подарок от девушки, то вешает на цепочку чтобы не потерять. Хотя... кто знает, какие правила ношения украшений здесь за морем. Быть может, никому нет дела, мужские кольца или женские», – но дверь в башню она все же заперла на замок. Засыпала принцесса с надеждой, что Скальд вскоре вернется.

Чародей прилетел под утро и сразу же почувствовал, что в доме посторонний. В облике ворона он опустился на подоконник и через окно наблюдал, как незнакомец спокойно встал с пола и съел почти полную кастрюлю мясного супа, затем нашел в шкафу бутылку вина и прикончил ее вместе с закусками из сыров. Умиравшим он точно не был, больным... возможно, потому что через некоторое время его стошнило в помойное ведро всем, что он съел. Сквернословя и ворча, он осушил чайник с настоем и, кривясь от его горького вкуса, вернулся к камину.

Скальд распахнул крылья и поднялся к башне. Принцесса спала в своей постели, свет от камина освещал ее озабоченное даже во сне лицо. Она вздрагивала и переворачивалась, пока окончательно не проснулась. Отбросив одеяло и позевывая, осушила кубок.

– Какая гадость эти целебные настои, – который месяц Оталия готовила себе и чародею питье на травах, чтобы они не болели. И как сам Скальд не кривился и не ворчал, но втайне от принцессы тоже пил, боясь повторения прошлогодней простуды. Тогда его мучил жуткий насморк и больное горло. Если бы не очистительная магия, он бы извел стопку носовых платков и перешел на простыни.

Незаметной тенью чародей скользнул за принцессой в кухню. Гость делал вид, что спит, но притаившийся на шкафу Скальд знал – это не так.

«Хитер притворщик, кто же ты? Несчастный путник, голодающий или просто вор? Последнее вернее», – он решил понаблюдать за принцессой и надеялся, что этот случай также ее чему-нибудь научит. «Наивная, как она может так легко впускать в дом посторонних? Одним трупом на моей земле больше, одним меньше... Зато туман не останется голодным».

Оталия коснулась мужского лба, и Скальд мысленно скривился. Девушка проверила температуру и нахмурилась:

– Только лихорадки ему не хватало, бедняга, – она быстро повынимала из банок засушенные целебные травы, заварив их и напоив больного. Позже Ота сделала компресс, накрыв лоб мужчины полотенцем.

«Поиграй с этой зверушкой в заботу, а затем у тебя будет шанс убедиться в том, какие люди низкие и подлые существа. Добродушие у них не в чести, особенно... у воров».

Весь день и ночь Таргет лежал с температурой. Оталия не отходила от него ни на шаг, уставшая, выхаживала его, пока не уснула за столом. Скальд не притронулся к девушке. «Если воришка умрет – это тоже будет прекрасным, а главное, жизненным уроком. Не все излечиваются от болезни, смерть подстерегает на каждом шагу», – думал Скальд, дремля на шкафу.

Но больной выжил и пошел на поправку. Ота кормила его с ложки, расспрашивала о жизни. И только Скальд знал, что почти каждое слово Таргета – ложь. Тот действительно во время сильной вьюги заблудился по пути в деревню. Он давно не ел и как следует не спал. Но как только наберется сил, немедленно покинет добрый дом такой прекрасной и сердечной хозяйки. Его водянистые глаза воровато озирались по сторонам, словно ища, что бы прихватить с собой поценнее.

К удивлению Скальда, принцесса ни единым словом не обмолвилась, кем является на самом деле и даже больше...

– Я всего лишь кухарка в доме своего хозяина, но сейчас он в отъезде. Живем мы скромно, мой господин настолько беден, что и мне не может платить жалование. Я живу ради крыши над головой и еды, – она тяжело вздохнула. Ее лицо стало таким печальным, что сам Скальд был готов верить выдумке. Да и по ее наряду и загрубевшим рукам нельзя было сказать, что это не так.

Но Таргет не торопился уходить, каждый день делая вид, что все еще слаб. Пока Оталия спала в башне, вор облазил весь замок и даже попытался вскрыть зачарованные двери, но у него ничего не вышло, и он решил, что за ними богатство.

Временами Скальд слышал, как в тишине башни, сидя за вязанием у камина, Оталия спрашивала вслух:

– Скальд, где же ты? Когда вернешься?

Она беспокоилась, нервно теребя нити или с силой сжимая спицы. Наконец, принцесса не выдержала напряжения и обратилась к Таргету:

– Со дня на день должен вернуться мой хозяин, и если он застанет вас здесь, то мне не миновать наказания, – она говорила таким жалостливым голоском, едва не пуская слезу, что Скальд не на шутку усомнился в своей убежденности, что принцесса не так сообразительна и хитра, как ее сестры. Когда нужно, она умела быть изворотливой и не стеснялась солгать. Но гость был иного мнения, он лукаво улыбнулся, положил ладони на плечи девушки и с нежностью сказал:

– Я так вам благодарен, Ота.

Принцесса пожала плечами:

– Не стоит, я всего лишь сделала то, что была должна.

Таргет покивал:

– Именно так, а теперь, моя рыженькая прелестница, будь добра сделать еще кое-что, — он увидел, как глаза девушки расширились. — Ссуди мне денег в дорогу, да побольше, иначе твой хозяин застанет не тебя, а твой остывший изрезанный труп. Как тебе такое предложение?

Девушка попыталась вырваться, но ее схватили за запястье и с силой сжали:

– Не отпирайся, я все видел. Здесь полно закрытых комнат, должно быть, там твой хозяин-скряга и держит свои сокровища, а тебя, приживалку, имеет, как дворовую девку, — он вытащил из-за пояса кухонный нож и, переместив руку к голове Оталии, дернул за рыжую косу. — Отпирай!

Темный взгляд Скальда был прикован к лезвию знакомого ножа, направленного в живот принцессы. Он уже хотел вмешаться, когда девушка заплакала. Прожив с ней долгое время, чародей осознал, что просто так довести Оталию до слез может лишь он, в другое время она не проронила не слезинки.

– Ах, пощадите меня, господин вор! – с подобострастием взмолилась она. – Я все вам открою, только не убивайте! Но сокровища не здесь, а в башне, – ее губы дрожали, а зубы стучали. Более жалкого зрелища Скалду еще не доводилось видеть.

«Что она задумала?»

– Веди! – скомандовал Таргет и подтолкнул вперед.

Скальд опередил их, набросив на ухоженную чистую комнату иллюзию заброшенности.

Оталия привела вора к башне, отперла ее ключом и с трудом смогла сдержать возглас изумления от увиденной перемены. Знала бы она, что когда-нибудь будет так рада обветшалой полуразбитой мебели, свисающей паутине и слоям пыли. Она поняла: Скальд рядом и не даст ее в обиду. Шкатулка с кольцом и кулоном, которые она давно не носила, стояла на столике рядом с зеркальцем.

Таргет оглядел этот скарб и с гневом ударил Оталию по щеке, девушка упала на пол.

– Не может быть, чтобы это были все драгоценности, ты обманула меня! – взревел он и, схватив ее за волосы, занес кинжал, но лезвие не достигло цели.

Ота увидела лишь проплывшую рядом черную тень, которая заслонила ее от вора. На пол закапала кровь, а Таргета вытолкнуло из башни на стену.

Девушка вскрикнула, видя опирающегося о дверной косяк Скальда, его рубашка пропиталась кровью.

Гость, которого она приютила, накормила и обогрела, отплатил ей черной неблагодарностью, попытался убить ради грабежа. Она бросилась к чародею, а на них с искаженным от злости лицом несли Таргет.

Достав из кармана горсть засушенной лаванды, которую носила для аромата, Оталия швырнула ее в лицо вора. Тот замер, пытаясь очистить глаза одной рукой, а второй рассекая перед собой кинжалом.

Принцесса уклонилась в сторону, но лезвие все равно слегка задело плечо. Что было сил она толкнула Таргета в грудь; вор перекинулся через стену и с криком упал вниз. Туман окутал его тело, пожирая плоть, словно оголодавшее животное, пока на влажной от крови траве не остались обглоданные кости, но и они исчезли, погрузившись в землю.

– Зачем ты к нему сунулась? – закричал Скальд, прижимая ладонь к груди, между его пальцев растекалась кровь.

– Он мог убить тебя! – девушка оторвала кусок ткани от и без того прохудившейся нижней юбки и приложила к его ране. Из ее горла вырвался всхлип, и она уткнулась в шею чародея. Мужчина молча слушал ее тихий плач, горячие слезы капали ему на кожу, опаливая ее.

– Больше не спасай меня, поняла? – проворчал он. Его пальцы дрогнули, но он погладил Оталию по голове. – Пойдем в кухню, я проголодался, да и рану не мешало бы зашить. Надеюсь, ты умеешь это делать?

Ота вмиг перестала плакать. Утирая слезы и нос рукавом, она пожала плечами:

– Только в теории, читала в книге по лекарскому ремеслу.

– Отлично, стану твоим подопытным, будь со мной нежна, – он привычно оскалился.

Принцесса забрала из башни швейные принадлежности и помогла Скальду осторожно спуститься в тепло кухни.

Чародей уселся на стул, порез прочертил пентаграмму, но, к удивлению Оталии, никак не повредил ее границ. Теперь он был дважды отмечен судьбой.

Без суеты Оталия как следует вымыла руки и опалила в пламени иглу. Плеснув на порез травяным настоем, она сняла с пояса тонкий кожаный ремешок и протянула ему. Чародей послушно зажал его между зубов и приготовился наблюдать, как до сих пор дрожащие руки принцессы сжались в кулаки, и она взялась за иглу.

Зашивая рану, Оталия молилась всем богам и ученым, каких знала, чтобы все получилось, но не смела показать свой страх. Внутренний голос нашептывал и ободрял ее: «Я все делаю правильно, потихоньку, не торопись, стежок за стежком. Представь, что это не человеческая плоть, а... полотно для вышивки, вот так».

Когда она закончила, перед глазами плыло, голова нещадно болела, и ей не хватало свежего воздуха. Пот стекал по затылку и спине, руки начали дрожать, а зубы стучать, хоть Оталия и старалась не раскрывать рта.

Она промыла рану, нанесла целебную мазь, которую сама же и приготовила, и перебинтовала чародею грудь.

– Хорошая работа, – похвалил Скальд. Его глаза затуманились от усталости и боли, но он видел, что принцессе тоже не сладко. «Все это время она молчала и ведет себя слишком спокойно», – он вглядывался в ее бледное лицо, красные от напряжения глаза и ждал...

– Теперь понятно, почему куртка была ему велика, а на пальце женское колечко, – сказала Ота. – Он украл их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.